

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

Валдай

**Международный
Дискуссионный клуб**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**РОССИЯ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД:
НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ**

№ 32 / 2016

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2016

УДК 327(470:4+7)
ББК 66.4(2Рос),9(3)

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член–корр. РАН **И.С. Иванов**

Автор:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **Т.А. Махмутов; М.В. Смекалова**

Т41 Тимофеев, И.Н.

Россия и коллективный Запад: новая нормальность: рабочая тетр. № 32/2016 / [И. Н. Тимофеев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. 36 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978–5–9906577–9–3

Рабочая тетрадь объединяет материалы, подготовленные в рамках проектов Российского совета по международным делам и Международного дискуссионного клуба «Валдай». Представлен взгляд на ключевые тенденции отношений России с НАТО и ЕС после Варшавского саммита НАТО и публикации проекта новой Глобальной стратегии ЕС. Оцениваются причины кризисной ситуации в отношениях, а также предлагаются возможные меры по решению накопившихся проблем в области безопасности.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции автора и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет–портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper32

Содержание

Введение. Мировой (бес)порядок. Преимущество для России?	4
1. Элиты и общество: уроки Варшавского саммита НАТО	8
2. Россия и НАТО: новая нормальность?	11
3. Россия и НАТО в регионе Балтийского моря	18
4. Новая нормальность: о чем говорит Глобальная стратегия Евросоюза?	26
5. Россия-ЕС: выборочное сотрудничество и стратегический диалог в области безопасности	29
Об авторе	32

Введение. Мировой (бес)порядок. Преимущество для России?

После холодной войны в политической и экспертной среде прочно закрепилось мнение о переходном состоянии системы международных отношений. Многие книги и дискуссии до сих пор начинаются с констатации незавершенности этого перехода. Более того, в последнее время все громче слышны оценки о хаотизации, размывании правил игры, потере управляемости международными процессами. Эти оценки достаточно громко звучат и в России.

Действительно, в последние четверть века сложилась уникальная ситуация. Она качественно отличалась от расклада предшествующих двух столетий (вплоть до конца 1980-х гг.), когда международные отношения имели достаточно четкую структурную организацию. Подобная организация была выражена устойчивыми коалициями государств. Их смена проходила достаточно быстро. Каждый кризис или крупный конфликт проверял коалиции на прочность. Однако они быстро формировались вновь с учетом меняющихся национальных интересов и баланса сил. Иными словами, система довольно быстро приходила в состояние равновесия.

В практическом плане это означало, что каждый игрок на международной арене должен был делать четкий выбор между союзниками и соперниками, а также внятно и четко определять свои интересы. Международные отношения оставались анархичной средой и участие в коалициях было одним из эффективных средств выживания в этой «войне всех против всех».

Совершенно противоположная картина наблюдалась после распада bipolarности. С одной стороны, сохранился крупнейший альянс, сложившийся вокруг США. Речь, конечно, о НАТО и системе двусторонних союзов с целым рядом стран Азии. Американцы попробовали утвердить результаты холодной войны в свою пользу, сохранить и упрочить созданные при их активном участии институты.

Но с другой стороны, многие крупные или быстро растущие игроки старались избегать альтернативных коалиций, равно как и заявки на собственную картину мира и международных отношений. КНР, Индия, Бразилия и до определенного момента Россия дистанцировались от решительных шагов. Они выступали сторонниками многополярного мира и многовекторной политики. На деле это означало желание взаимодействовать со всеми, сохранять возможность для широкого маневра. Такая стратегия была вполне успешной на фоне глобализации экономики. Она позволяла концентрировать ресурсы и развиваться, избегая острых углов и затратного соперничества. Устраивало их и то, что США ограничено или вовсе не покушались на сферы их интересов, хотя и объявляли себя центром однополярного мира. Односторонние действия американцев вызывали критику, но в целом проглатывались. В эту же систему прекрасно вписывался Европейский союз, избегавший брать на себя самостоятельную политическую роль в области безопасности.

Сложилась уникальная ситуация, когда сразу несколько крупных игроков оказались в свободном плавании. Но сколько еще продлится такое состояние? Свободные рейдеры постепенно накапливают вес. Их внешнеполитические амбиции растут. А модель их бесконфликтного существования оказывается под растущим давлением.

Конфликт России и Запада – первый серьезный сигнал. Россия открыто и жестко бросила вызов постбиполярному порядку, сделав четкий политический выбор. Можно долго спорить о причинах кризиса 2014 г. и последующего расхождения двух сторон. Здесь и самоуверенная увлеченность Запада продвижением своих проектов на постсоветском пространстве, и непропорционально острое восприятие этих намерений в России, и несбалансированная система европейской безопасности, и накопленные Россией ресурсы, и амбиции политических лидеров. Здесь же и локальные противоречия на Украине, ставшие катализатором кризиса.

Гораздо важнее другой вопрос. Являются ли конфликт России и Запада частью начавшегося общего процесса формирования новых или изменения старых коалиций, в котором каждому игроку придется выбирать сторону и делать жесткий выбор? Или же это флуктуация – случайное историческое событие, за которым нет никакой закономерности, и которое ни к каким тектоническим изменениям не приведет?

Судя по всему, Москва разделяет первую точку зрения, исходя из того, что политика США, по мнению Кремля, уже является дестабилизирующей. А значит, нужно придерживаться сходной стратегии, играя на упреждение. Подспудно реалистская логика борьбы за место под солнцем приписывается и другим крупным игрокам. А значит, рано или поздно, они начнут активно играть собственную партию.

Однако нельзя исключать, что такая оценка ошибочна. Если постбиполярный мир окажется стабильным, России в нем уготовано маргинальное место и вернуться в него без серьезных политических уступок не получится. В конечном итоге, эта стабильность будет определяться последовательностью стратегических решений крупных игроков по всему миру, решением давно назревших дилемм. Движение маятника будет определяться совокупностью этих решений. Вот лишь некоторые из них.

Во-первых, речь идет о дилемме Китая. Она предполагает выбор между встраиванием в американоцентричную систему и попыткой создания собственных региональных, а затем и глобальных проектов. Пока этот выбор актуален скорее на уровне экономики и торговли. До последнего времени Китай избегал его политизации. Но вопрос постепенно переходит в политическую плоскость. Американский проект ТТП пока маргинализирует Китай. И это при том, что почти для всех членов ТТП КНР является ключевым торговым партнером. Проблемы выходят и на уровень безопасности. Региональных игроков беспокоит растущая мощь КНР, все более заметная активность в мировом океане. А это, в свою очередь, порождает дилеммы уже для союзников США в регионе – стоит ли надеяться на надежность американских гарантий безопасности? Или нужно накапливать собственные силы? Это ярко проявляется в политике Японии, постепенно отходящей от прежних принципов безопасности.

Конечно, дилемма Китая порождает и стратегическую развилку для самих США. Что делать с Китаем? Воспринимать его как стратегический вызов? Тогда нужно наращивать потенциал сдерживания КНР как в военном, так и в экономическом плане. Но если напряжение пойдет слишком далеко, то это чревато колоссальными экономическими потерями для США. Парадоксальным образом мировой гегемон оказывается серьезно ограниченным в своей политике в отношении КНР. Для США однозначный выбор «за» или «против» Китая несет в себе огромные риски – либо Америка «проспит» появление нового военного гиганта, либо потеряет все те выгоды, которые дает партнерство с Китаем. Пекин в этой ситуации обладает стратегической инициативой. Но ситуативные решения Вашингтона и Пекина в пользу сдерживания вполне могут спровоцировать череду ответных действий. И в определенный момент эту спираль остановить будет уже невозможно.

Что это значит для России? Если Вашингтон и Пекин все-таки сохранят устойчивые точки соприкосновения, Россия окажется в крайне невыгодной ситуации. Собственно это уже проявляется сегодня, когда, например, китайские банки неохотно работают с Россией, боясь потерять свою долю на американском рынке. Если же противоречия будут нарастать, то Китай будет стремиться расширить и укрепить свои альянсы в регионе. И Россия в этой ситуации получит возможность торга. Двойное сдерживание и России, и Китая крайне невыгодно США.

Во-вторых, речь идет о дилемме Европейского союза. Казалось бы, конфликт с Москвой снял вопрос о евроатлантической солидарности. Но сирийский кризис показал, что НАТО не может адекватно гарантировать безопасность Европы от терроризма и беженцев. А у Евросоюза просто нет инструментов, которые позволяли бы эффективно действовать в области безопасности. Если же такие действия предпринимают отдельные страны, то это ставит под угрозу уже основные принципы и преимущества ЕС. В частности, речь идет о часто звучащих угрозах закрытия границ той или иной страной.

В этих условиях в ЕС будет укрепляться запрос на собственные структуры безопасности. По крайней мере, речь может идти об общеевропейской пограничной службе и разведке. Появление таких структур может дать основу для дальнейшей интеграции в области безопасности. Вполне вероятно, что ЕС сможет добиться разделения труда в этой области с НАТО и сгладить неизбежную обеспокоенность Вашингтона. Но политический вес ЕС в этом случае начнет расти. А значит, появится возможность и для более самостоятельной политики. Выход Великобритании из Союза скорее облегчает, чем усложняет для Брюсселя эту задачу. За пределами ЕС окажется страна, которая традиционно пыталась играть самостоятельную роль и потенциально могла блокировать далеко идущие планы в области безопасности.

Подобное развитие событий, конечно, не означает легкой жизни для России. ЕС показал себя жестким и напористым игроком в экономической и гуманитарной сфере. Безопасность вряд ли будет исключением. Тем более что сам процесс наверняка будет затяжным. Рано или поздно это может привести к пересмотру самого понятия европейской безопасности.

В европейском контексте для России важна и дилемма Турции. Пойдет ли страна по пути европейской интеграции и сохранения своей роли в НАТО либо попытается стать самостоятельным региональным центром силы с фокусом на ближневосточном регионе? Второй вариант чреват большей непредсказуемостью и хаотизацией, что вполне вписывается в российскую гипотезу о будущем миропорядка. Но в этом случае нам придется готовиться к возможности острого соперничества с Турцией или же искать возможность ситуативных договоренностей.

Наконец, для России, да и для будущего мирового порядка значима дилемма Индии. Вопрос в том, насколько высока будет обеспокоенность Индии укреплением мощи КНР и как будут складываться военно-политические отношения Индии и США. «Альянс двух демократий» в виде военного союза пока кажется маловероятным. Но его появление несомненно будет знаковым событием и окончательным выходом практически всех крупных игроков из режима свободного плавания. Такой альянс для России чреват окончательной утратой масштабных связей с Индией, которые сегодня все больше ограничиваются областью военно-технического сотрудничества.

Ключевая российская проблема состоит даже не в том, какие именно альтернативы будут выбраны в указанных дилеммах. Гораздо важнее то, что в каждой из этих дилемм у игроков есть время на принятие решений. А вот Россия свой первый ход уже сделала, и действовать ей придется в принципиально иных условиях.

*Впервые опубликовано
на сайте Международного
дискуссионного клуба «Валдай»*

1. Элиты и общество: уроки Варшавского саммита НАТО

После окончания холодной войны утвердилась точка зрения о бесперебойной работе западных институтов демократии. На протяжении четверти века считалось, что эти институты обеспечивают оптимальную модель взаимодействия элиты и общества. Они делают элиту ответственной, подотчетной и обеспечивают эффективную обратную связь с запросами общества. Мощные социальные протесты считались чем-то периферийным – присущим нестабильному «Югу» или посткоммунистическому «Востоку», которых можно между делом обучить правильным формам правления. Ценности демократии традиционно увязывались и с вопросами безопасности – НАТО позиционируется как альянс демократических государств. Но в последнее время диалог элиты и общества обнаруживает явные недостатки. А это неизбежно скажется и на повестке международной безопасности.

Подготовку и подведение итогов Варшавского саммита НАТО омрачило сразу несколько событий. Референдум в Великобритании вызвал серьезную озабоченность руководителей стран Альянса. Вопрос пришлось срочно вносить в повестку дня, хотя формально «брексит» и не касался НАТО. Очередная серия терактов в Европе вывела угрозу терроризма в режим повседневной опасности для жизни европейцев. Это было понятно еще до Саммита, но новые теракты показали, что угроза лишь нарастает, а ее обсуждение никак не сказывается на ситуации. Наконец, попытка военного переворота в Турции и последующая реакция властей вызвали резкую критику со стороны партнеров страны по НАТО, нанеся Альянсу, как минимум, серьезный репутационный ущерб.

Между тем, судя по итоговому коммюнике Варшавского саммита, ключевая задача НАТО сегодня – сдерживание России. Да, нестабильности на Ближнем Востоке в тексте уделяется много места. Но если посмотреть на качество и проработанность предлагаемых решений, то российская угроза для Альянса выглядит явным приоритетом. В коммюнике четко прописана как политическая позиция (что конкретно не устраивает НАТО в поведении России), так и то, какие именно действия уже предприняты или будут предприняты для сдерживания РФ. Нет практически ни одного вопроса, в которых Россия рассматривалась бы в качестве потенциального партнера. Скорее наоборот, подчеркивается «спойлерская» роль РФ едва ли не по всем измерениям. Симптоматична, например, жесткая критика российской поддержки правительства Б. Асада в Сирии. А оно, в свою очередь, по сути приравнивается к ИГИЛ.

С другой стороны, обращает на себя внимание нарратив террористической угрозы. О ней в итоговом коммюнике сказано много, однако предлагаемые практические действия весьма ограничены в сравнении со сдерживанием России. По сути речь идет о весьма небольшом наборе действий – поддержке Глобальной коалиции (но без непосредственного подключения к ней), продолжение миссии в Афганистане (тоже весьма ограниченной), партнер-

стве с рядом стран в регионе (Иорданией, Египтом и др.), обмене разведданными, совместном патрулировании морских границ.

В сухом остатке, коммюнике отражает серьезный дисбаланс в восприятии и реагировании на две угрозы. Его можно охарактеризовать как «много слов–много действий» в отношении России и «много слов–мало действий» в отношении терроризма.

Между тем реальность представляется обратно пропорциональной. Да, украинский кризис стал серьезным потрясением для системы европейской безопасности. В центре Европы появился крупный тлеющий конфликт. Для России он является не меньшей проблемой, чем для НАТО. Тот факт, что Москва, Вашингтон и Брюссель не смогли предупредить и решить его совместно еще на начальных этапах показывает глубину дефектов их отношений. И взаимное военное сдерживание их не устранил, а лишь сделает еще более глубокими.

А вот угроза со стороны радикального исламизма с каждым днем лишь набирает обороты. Причем носит она принципиально иной характер, в сравнении с традиционным конфликтом между государствами. Она впитывается в саму ткань западных обществ (это касается и России). Сила этой угрозы – в идее, готовности людей в самой Европе жертвовать собой ради нее. А за идеей стоит мощная сетевая организация, с которой НАТО справиться не может просто в силу совершенно иной заточенности своей структуры. Основные силы сдерживания НАТО – ядерное оружие, обычные вооружения и ПРО – бесполезны против идеологии и сетевых структур террористов. Без кардинальных структурных трансформаций Альянс против них бессилён.

Какое это имеет отношение к диалогу элит и общества? Самое прямое. Альянс существует на деньги налогоплательщиков. Один из результатов Варшавского саммита – намерение увеличивать военные расходы. Судя по всему, львиная их часть пойдет на сдерживание России. Тогда как физическая опасность для конкретного гражданина будет исходить совсем с другой стороны. Таким образом элита и общество оказываются по разные стороны баррикад. Элиты берут ресурсы у общества, но не защищают его системно от актуальных угроз, растрачивая их на фантомы. Более того, фантомная борьба может иметь самые серьезные последствия. Ведь взаимное сдерживание России и НАТО чревато эскалацией и конфликтом, который не нужен ни одной из сторон и лишь усилит позиции радикалов по всему миру.

Проблема в том, что подобные расхождения элиты и общества в развитом мире превращаются в тенденцию. Те, кто в Великобритании голосовал за выход из ЕС, конечно, голосовали в первую очередь вовсе не против европейского будущего страны. Скорее, они голосовали против собственной элиты, ее заикленности на глобальных проблемах и абстрактных концепциях, которые к жизни рядового гражданина имеют весьма косвенное отношение. Надо отдать должное британской политической системе, которая вообще делает такой референдум возможным. Большой вопрос в том, какие выводы сделают бюрократы в Лондоне и Брюсселе и как именно будет происходить «аккомодация» подобных конфликтов в других странах ЕС.

Политический кризис в Турции тоже выявил серьезные внутренние противоречия, хотя и другого свойства. Турция – на переднем крае соседства НАТО с ближневосточным регионом. Это принципиально важная страна для Альянса. Удивительно, что в итоговом документе Варшавского саммита ей уделялось столь мало места. Последовавшая за Саммитом попытка путча нанесла НАТО серьезный ущерб, куда более ощутимый в сравнении с российской угрозой. Путч поставил НАТО перед дилеммой. С одной стороны, Турция – слишком важное для Альянса государство, чтобы серьезно обсуждать попытку его исключения из НАТО. В отличие от многих других членов, Турция – реальный поставщик безопасности, а не только ее потребитель. Страна имеет одну из крупнейших и подготовленных армий в Европе и на Ближнем Востоке, принципиально важное географическое положение. Для Брюсселя ее роль важна как в сдерживании России, так и в противодействии ближневосточным угрозам. Однако «проглатывая» путч и методы последующего наведения порядка в стране, НАТО серьезно нарушает последовательность своей идеологической базы. Теперь далеко не очевидно, что Альянс – это сообщество демократий, в которых главенство закона и защита прав человека – превыше всего. Очевидно, что обществами стран НАТО эта непоследовательность будет замечена.

Реальная оценка разрыва между ожиданиями общества и действиями элиты – задача для социологических исследований. Пока мы можем говорить о таком разрыве лишь в качестве гипотезы. Но если эта гипотеза верна, то рано или поздно НАТО придется пойти на кардинальную перестройку. Системе европейской безопасности требуется гибкий институт, заточенный на оперативное коллективное противодействие угрозам нового типа – кризисам государств, терроризму, и самое главное – расползанию радикальных исламистских доктрин (в том числе и в киберпространстве).

Россия должна быть неотъемлемой частью этой системы безопасности и одним из архитекторов нового института коллективной защиты Европы. Необходимо признать, что в России проблема восприятия угроз зеркально отражает ситуацию в НАТО. Мы тоже готовимся к войне вчерашнего дня, являясь одновременно мишенью для террористов всех мастей. Задача минимум для обеих сторон – избежать бессмысленной эскалации. В противном случае, диалог элиты и общества может окончательно зайти в тупик. А это чревато уже большими внутренними проблемами.

*Впервые опубликовано
на сайте Международного
дискуссионного клуба «Валдай»*

2. Россия и НАТО: новая нормальность?

Отношения России и НАТО после украинского кризиса оказались в самой низкой точке со времен окончания холодной войны. Их ухудшение носило резкий, лавинообразный и необратимый характер. Сегодня Россия для НАТО является вызовом безопасности номер один. По крайней мере, итоговое коммюнике Варшавского саммита НАТО уделяет России ключевое значение. Причем российская политика Альянса в наибольшей степени проработана в виде планов и конкретных мер, в сравнении с любым другим направлением, включая Ближний Восток и борьбу с терроризмом. Российские официальные документы также определяют НАТО и вероятность расширения блока в качестве одного из ключевых вызовов. А модернизация российских вооруженных сил в первую очередь учитывает потенциалы стран Североатлантического альянса.

На сегодняшний день состояние отношений Россия–НАТО можно оценить как «стабильно тяжелое». Позади осталась острая фаза, когда дальнейшее развитие ситуации и глубину кризиса предсказать было весьма сложно. Однако кризис не решил ни одну из проблем, которая сделала его возможным. Более того, эти проблемы еще более усугубились, а значит, вероятность нового обострения и дальнейшей эскалации конфликта остается высокой.

Подобная ситуация вряд ли была бы чем–то необычным 30 лет назад в условиях тотальной идеологической и военной гонки двух блоков. Однако сегодня мир принципиально изменился. И страны НАТО, и Россия сталкиваются с растущим числом принципиально новых вызовов и угроз. Проблема состоит в том, что вместо концентрации на вызовах сегодняшнего и завтрашнего дня, Россия и Альянс воспроизводят привычную для холодной войны логику. Проигравшими в такой ситуации оказываются оба. Причем величина проигрыша неочевидна – она может быть зафиксирована на текущих уровнях, а может стать значительно более серьезной в случае новых кризисов.

В свете этой проблемы важно ответить на следующие вопросы: почему Россия и НАТО вновь становятся конкурентами? Каковы движущие силы отношений России и НАТО, какие факторы влияют на них? И что сделать для того, чтобы выйти на более конструктивный путь отношений?

Однако перед тем как ответить на эти вопросы, необходимо определить нашу нормативную позицию – представление о должном состоянии безопасности в Европе. Это представление сводится к тому, что ни Россия, ни страны НАТО не заинтересованы в вооруженном конфликте, последствия которого могут быть самыми плачевными. Реализация этой установки в текущих условиях обеими сторонами осуществляется путем взаимного сдерживания. Но в долгосрочной перспективе этот подход является проигрышным. Во–первых, сдерживание чревато эскалацией конкуренции в полноценный конфликт. Во–вторых, оно требует огромных ресурсов, которые могут и должны направляться на более серьезные вызовы. Среди них ключевое место занимает борьба с радикальным исламизмом. Следовательно, задача состоит в поиске такой формулы, которая могла бы избавить обе стороны, как минимум, от необходимости сдерживания. А как максимум – дала бы

возможность вернуться к вопросу о сотрудничестве. Это крайне сложная политическая задача, которая в текущих условиях может показаться утопичной. Но отказ от ее решения чреват высокими затратами и сохранением высоких рисков безопасности.

Россия–НАТО: путь к кризису

Упомянутая выше нормативная позиция вряд ли покажется чем-то новым. Скептики, несомненно, укажут на то, что в недавней истории попытка замедлить сдерживание сотрудничеством уже предпринималась. И она закончилась полным провалом, символом которого стал украинский кризис, который принято считать основным катализатором осложнения ситуации в Европе. Действительно, он стал мощным триггером, который перевел отношения России и НАТО в качественно иную плоскость. Однако его следует рассматривать скорее как следствие, а не причину. Противоречия России и НАТО копились, по меньшей мере, с конца 1990–х гг. Причем с каждым годом происходило постепенное ухудшение. Плавное накопление противоречий закончилось украинским взрывом и скачкообразным изменением ситуации. Поэтому важно понять дефекты наших отношений, которые привели к текущему положению вещей.

Наиболее очевидная причина постепенного осложнения диалога России и НАТО вполне закономерно связывается с расширением НАТО на Восток. Действительно, в России отношение к этому процессу с самого начала было весьма сдержанным. Он воспринимался как подрыв идеи равной и неделимой безопасности, нарушение баланса сил и угроза безопасности России. Со стороны НАТО эта озабоченность Москвы традиционно парировалась отсылкой к праву отдельных стран самим определять свое членство в альянсах, тем более что данная норма была зафиксирована в Основополагающем акте Россия–НАТО в 1997 г. Обсуждение этой темы между Москвой и Брюсселем все больше напоминало разговор немого с глухим. Россия достаточно терпимо отнеслась к вступлению в НАТО всех бывших членов ОВД, а также стран Балтии. Но ее раздражение заметно возросло, когда речь зашла о дальнейшем продвижении на постсоветское пространство. И хотя членство Украины и других постсоветских стран в НАТО вызывало большие вопросы и рассматривалось самим Альянсом как очень далекая перспектива, Москва предпринимала серьезные дипломатические усилия для того, чтобы этот процесс остановить или серьезно замедлить.

Эти действия России вряд ли стоит объяснять фанатичным стремлением навредить Западу. Политика Москвы имеет вполне рациональные основания, которые часто упускаются из вида. Эти основания кроются все в том же Основополагающем акте Россия–НАТО 1997 г.

Дело в том, что наряду с признанием права каждого государства самостоятельно определять свою политику безопасности и членство в альянсах, стороны определили еще, как минимум, два фундаментальных основания своих отношений. Во-первых, они рассматривали ОБСЕ как ключевую организацию, ответственную за создание новой системы безопасности в Европе. Во-вторых, Договор об ограничении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) полагался как важный гарант сохранения баланса сил. Его реализация как

раз и выступала предпосылкой для снятия вопроса о сдерживании. Успешная адаптация ДОВСЕ к новым условиям (распад СССР и ОВД), равно как и укрепление роли ОБСЕ снимали бы вопрос о самоопределении отдельных стран в пользу того или иного альянса. При наличии эффективной системы контроля вооружений и общей организации по безопасности расширение НАТО было бы значительно менее болезненным для России или вообще не воспринималось бы в качестве угрозы.

На деле ситуация оказалась иной. Адаптированный ДОВСЕ, принятый на Стамбульском саммите ОБСЕ в 1999 г., так и не был ратифицирован странами НАТО. Хотя Россия, Украина, Белоруссия и некоторые другие страны его ратифицировали. Государства Балтии (Эстония, Латвия и Литва) вообще отказались присоединиться к ДОВСЕ. А значит в случае их вступления в НАТО, что и произошло в 2004 г., у границ России появлялась бы «серая зона», которая никак не контролировалась бы договором. Роль ОБСЕ в обсуждении вопросов безопасности постепенно снижалась, а НАТО по сути брала на себя функции основной организации по безопасности в Европе. В этих условиях расширение НАТО вполне логично воспринималось Москвой в качестве проблемы. И это ощущение усиливалось по мере последовательной эрозии диалога по ДОВСЕ.

Важным фактором отношений России и НАТО также стало общее ухудшение ситуации в области стратегической стабильности. Данный вопрос традиционно был предметом отношений Москвы и Вашингтона и в основном сводился к ракетно-ядерной проблематике. Выход США из договора по ПРО, последующая дискуссия по ПРО в Европе, создание там отдельных элементов ПРО, опять же, воспринимались в Москве сдержанно. Российские предложения о создании совместной ПРО успеха не имели, хотя с обеих сторон вопрос прорабатывался военными и дипломатами. Достижением стал новый договор о стратегических наступательных вооружениях 2010 г. Но дальнейшее развертывание ПРО в Европе противоречило озабоченности России по этому вопросу, которое было зафиксировано в преамбуле договора об СНВ. Кроме того, если до украинского кризиса западная дипломатия настаивала на ненаправленности ПРО против России, то на фоне украинских событий все громче стали раздаваться голоса об использовании ПРО для сдерживания России, что лишь укрепляло давние подозрения Москвы. Проблемы в диалоге о стратегической стабильности между Россией и США, конечно же, негативно сказывались и на диалоге Россия–НАТО.

В западных столицах, со своей стороны, также росло недовольство все более активной политикой России в области безопасности. Новые члены НАТО в Восточной Европе были озабочены возможным ростом военного потенциала России. Ситуацию усугубляли антироссийские настроения в этих странах, болезненное переживание коммунистического прошлого, его превращение в своего рода «черную легенду», а России – в «значимого другого». Опасения эти были во многом преувеличенными, и на деле страны Восточной Европы неохотно шли на увеличение военных бюджетов. И справедливости ради следует отметить, что в самой России восприятие военной угрозы со стороны НАТО также преувеличивалось. Особенно это касается общественного дискурса и СМИ. Сложилась ситуация, когда противодействие НАТО превратилось в выгодный продукт, который гарантировал политический

капитал и поддержку больших сегментов общества. Как и посткоммунистические страны Восточной Европы, Россия тоже переживала политический транзит, со всеми вытекающими последствиями для общественного сознания. Ему также было свойственно болезненное переживание краха Советского Союза. И это общественное настроение сыграло свою негативную роль.

Наконец, еще одним важным фактором стала нестабильность политических режимов в ряде постсоветских стран и серия «цветных революций» в этих государствах. Первые «цветные революции» в Грузии и на Украине (в 2003 и 2004 гг.) воспринимались Москвой без лишней враждебности. Однако последующий антироссийский курс обоих государств существенно охладил это отношение. «Цветные революции» стали восприниматься в Москве уже как антироссийская политика Запада, элемент новой гибридной войны. К моменту Майдана 2013 г. «цветные революции» стойко ассоциировались в Москве с «рукой Запада» и желанием вытеснить Россию с постсоветского пространства со всеми вытекающими последствиями для безопасности страны.

Эта точка зрения Москвы также представляется неоднозначной. Все-таки украинский майдан 2013 г. был во многом вызван внутренними причинами и слабостью самого украинского государства. Тем не менее ни Россия, ни США, ни ЕС не смогли решить украинский кризис совместно, хотя предпосылки для такого решения были. Последующая крайне резкая реакция России в виде воссоединения с Крымом и поддержки сепаратистов на Востоке Украины разворачивалась на благодатной почве подорванного за прошедшие двадцать лет доверия и институциональной базы европейской безопасности. Украинский кризис – череда ошибочных решений, неверных оценок, преувеличенных страхов с обеих сторон. В условиях эффе́ктивных институтов он, возможно, стал бы нелепой случайностью – флуктуацией. Без таких институтов эта флуктуация привела к фундаментальным изменениям на европейском континенте.

Движущие силы отношений России и НАТО

Сегодня приходится констатировать, что сдерживание является ключевым элементом отношений России и НАТО. По сути, речь идет о «новой нормальности», выйти из которой будет крайне сложно. Однако это не самая опасная тенденция. Гораздо хуже то, что эта «новая нормальность» вполне может испытать новый кризис и дальнейший регресс отношений. Для того, чтобы избежать этого сценария, необходимо трезво оценивать факторы (управляющие параметры) взаимодействия России и НАТО. Среди таких параметров необходимо выделить крупные факторы стратегического плана и мелкие факторы тактического характера. Последние важны, так как именно они, подобно украинскому кризису, могут спровоцировать нарушение «новой нормальности», выступить спусковым механизмом нового кризиса.

Первым стратегическим фактором является состояние угроз за пределами отношений Россия–НАТО. Есть основания полагать, что захлестнувшая регион Ближнего Востока нестабильность имеет потенциал к распространению на другие регионы и будет оказывать долгосрочное влияние как на Россию, так и на страны НАТО, включая США. Особенно уязвимы среди-

земноморские страны – Турция, Греция, Италия, Франция. Россия уязвима в связи с возможной дестабилизацией на Кавказе, а также рисками в Центральной Азии. Роль НАТО в решении сирийской и других проблем пока остается вторичной. Основным игроком здесь все-таки выступают США. Но если России и США удастся добиться прогресса в решении сирийской проблемы и взаимодействовать в вопросе строительства новой системы безопасности на Ближнем Востоке, это может позитивно сказаться на общем фоне отношений России и НАТО. Пока же действия России в Сирии и на фронте борьбы с радикальным исламизмом в странах НАТО воспринимаются скорее с подозрением, нежели с поддержкой.

Второй стратегический фактор – состояние самого Альянса и его способность отражать те угрозы, которые важны для европейцев здесь и сейчас. Нет сомнений, что НАТО может успешно сдерживать Россию. Но Альянс просто не приспособлен для отражения таких вызовов как потоки беженцев, исламистский терроризм или распад государств на европейской периферии. Получается, что европейский налогоплательщик оплачивает сдерживание России, но угрозы приходят к нему совсем с другой стороны. Это касается и налогоплательщика в самой России, который тоже оплачивает сдерживание НАТО уже с российской стороны. Рано или поздно это противоречие даст о себе знать. Будущее НАТО зависит от его способности трансформироваться в более гибкий и адаптированный к новым угрозам блок. Интересным событием в этом плане стало появление новой Глобальной стратегии ЕС. В ней взят вполне очевидный курс на укрепление роли ЕС в вопросах безопасности, несмотря на отсылки к тому, что НАТО остается важным партнером в этом вопросе. Успех ЕС в выстраивании собственных структур безопасности окажет важное влияние на будущее НАТО. Для Альянса важную роль будет играть и внутренняя стабильность его членов. Недавняя попытка военного переворота в Турции, которая едва не вылилась в гражданскую войну, важна для НАТО, которая позиционирует себя как сообщество демократических государств.

Третий стратегический фактор – состояние российской экономики и ее политический курс. Мощь и устойчивость российского государства после распада СССР долгое время недооценивалась на Западе. Но сегодня российский потенциал не стоит и переоценивать. Перед Россией стоят нерешенные задачи экономической модернизации, развития технологий и человеческого потенциала. В современных условиях все это непосредственно связано и с политическим весом страны. 30 лет назад экономические сложности в СССР стали важным фактором пересмотра политики в отношении Запада. Нет сомнений, что и сегодня этот фактор будет иметь значение с учетом ошибок, совершенных в конце 1980–х гг.

Среди тактических факторов следует отметить следующее.

Первое – мирный процесс на Донбассе, стабильность украинского государства и постсоветского пространства в целом. Ситуация на Украине остается шаткой. Крах минского процесса, возобновление боевых действий на Донбассе и расползание нестабильности за пределы региона неизбежно ухудшит отношения России и НАТО. Вряд ли НАТО пойдет на военное вмешательство в конфликт. Однако любое его обострение будет иметь болезненные последствия для европейской безопасности.

Второе – инциденты на море и в воздухе, особенно в балтийском и черноморском регионе. Опасное маневрирование кораблей, судов и самолетов России и стран НАТО чревато риском непреднамеренных столкновений. В свою очередь это может привести к нежелательной эскалации и локальному конфликту. Болезненность и чрезмерность реакции на такие инциденты балтийских стран НАТО и нейтральных государств лишь усугубляют значение этого фактора.

Третье – множество «черных лебедей» на периферии Европы. Инциденты в Сирии с обстрелом гуманитарной колонны ООН, а также ударами сил возглавляемой США коалиции по сирийской правительственной армии служат примером таких инцидентов. Они едва не сорвали договоренности США и России по урегулированию сирийского конфликта, достигнутые столь большим трудом.

Что делать?

Понимание движущих сил отношений России и НАТО, а также рисков углубления существующих противоречий, диктует ряд необходимых мер. Такие меры, как минимум, должны снизить ущерб от сложившейся парадигмы наших отношений. А как максимум – вывести их в более конструктивное русло. Среди таких мер можно было бы обозначить следующее.

Первое – сохранение и развитие Совета Россия–НАТО. Совет должен оставаться важным инструментом коммуникации между российским руководством и странами Альянса. Такая коммуникация должна быть постоянной. Она может позволить предотвратить нежелательные последствия инцидентов на море и в воздухе, а также других непреднамеренных и слабоконтролируемых факторов. Кроме того, этот механизм необходимо использовать для стратегического диалога в отношении новых вызовов и угроз.

Второе – возвращение к обсуждению вопроса о контроле над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ), учитывая то, что закрытие вопроса о ДОВСЕ стало важной причиной сложившегося положения вещей. В то же время, необходимо понимать, что перезапуск диалога о КОВЕ уже не может механически копировать ДОВСЕ в силу изменившихся технологических и политических условий.

Третье – сохранение договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) как основополагающего условия ракетно-ядерной безопасности. Данный вопрос традиционно находился в русле российско-американских отношений, но он напрямую влияет на безопасность европейских членов НАТО, которые в наибольшей степени пострадают от его эрозии.

Четвертое – пауза в расширении НАТО. Речь в данном случае идет не только об Украине и Грузии – сам Альянс относится к их членству скептически. Речь также идет об изменении нейтрального статуса Швеции и Финляндии. Обе страны уже имеют глубокие партнерские отношения с НАТО. Но их формальное членство скорее всего негативно скажется на отношениях с Россией и приведет к утрате ими статуса «честного брокера» в отношениях России и НАТО. России, в свою очередь, следует способствовать снятию озабоченности данных стран в отношении инцидентов на море и в воздухе в балтийском регионе.

Пятое – взаимное воздержание от наращивания военных континентов в местах географического соприкосновения НАТО и России.

Шестое – возобновление сотрудничества в Афганистане, учитывая положительный опыт такого взаимодействия, накопленный в прошлом.

Наконец, *седьмое*, – имплементация Минских соглашений. Хотя НАТО как институт и не является стороной в мирном процессе на Донбассе, украинский кризис напрямую влияет на отношения России и Альянса. Необходимы согласованные усилия Украины, России, Франции и Германии как членов Нормандской четверки, а также США как наиболее значимого игрока в НАТО в обеспечении мира на Востоке Украины.

За всеми этими мерами должно также стоять долгосрочное видение будущего европейской безопасности. Необходимо вернуться к обсуждению общей стратегической рамки наших отношений, в частности, адаптировать Хельсинкские принципы к новым вызовам. Это должно также подразумевать укрепление ОБСЕ как института общеевропейской безопасности.

*Впервые опубликовано
на итальянском языке
в журнале «Limes»*

3. Россия и НАТО в регионе Балтийского моря

Регион Балтийского моря сегодня находится в числе наиболее сложных пространств взаимодействия России и НАТО. Эстония, Латвия, Литва и Польша, будучи членами Альянса, выступают его фронтиром – областью непосредственного соприкосновения с восточным соседом. Еще до украинского кризиса эти страны скептически относились к перспективам сотрудничества с Россией в области безопасности. У России, со своей стороны, тоже был ряд вопросов. В Москве критически воспринимали намерения Польши разместить на своей территории элементы ПРО США, бойкот Эстонией, Латвией и Литвой адаптивного ДОВСЕ, политику интерпретации советского прошлого и т.п. Однако все эти вопросы не приводили к сколько-нибудь серьезным кризисам в отношениях России и НАТО и не имели системного негативного эффекта. Москва достаточно спокойно восприняла вступление своих соседей в Альянс в 1999 и в 2004 гг., хотя впоследствии отношение к перспективам дальнейшего расширения блока становилось все более настороженным, и российская дипломатия предпринимала активные усилия, чтобы воспрепятствовать этому.

События на Украине привели к глубокому и системному кризису в отношениях России и НАТО. Россия стала рассматриваться в качестве ключевого вызова безопасности, а ее сдерживание определяется сегодня как необходимый компонент новых отношений. С российской стороны наблюдается симметричная картина с той разницей, что НАТО и перспективы ее расширения воспринимались в качестве вызова задолго до украинского кризиса. Политика же России на украинском направлении после марта 2014 г. позиционировалась Москвой как результат долгой и постепенной эрозии отношений.

Текущие отношения России и НАТО стабилизировались на низших со времен холодной войны точках. Взаимное отторжение превратилось в новую нормальность. Однако эта внешняя стабильность обманчива. Под ней скрывается высокая неустойчивость и риск дальнейшей эскалации. Причем подобная эскалация вполне может носить быстрый и лавинообразный, если не катастрофичный, характер. Инциденты на море и в воздухе, возможность размораживания конфликта на Донбассе, рост антагонизма по сирийскому вопросу могут спровоцировать дальнейшее обрушение отношений с риском открытого локального конфликта. Пока вероятность конфликта низка, но ее всерьез рассматривают как в Альянсе, так и в российских силовых структурах.

Балтийский регион в этой ситуации оказывается одним из наиболее уязвимых звеньев. Именно здесь может быть спровоцирована очередная, хотя, возможно, и непреднамеренная эскалация. С другой стороны, снижение рисков и постепенная нормализация отношений также могут быть начаты именно здесь. Прорыв на одном из сложных направлений неизбежно даст положительный эффект для отношений в целом. Подобная двойственность определяет ряд серьезных вопросов: как именно система взаимодействия России и НАТО на текущем этапе влияет на безопасность в регионе Балтийского моря? Какие факторы определяют динамику отношений в области региональной безопасности? Каковы возможные сценарии развития ситу-

ации? Что можно было бы предпринять для снижения рисков эскалации противоречий в открытый конфликт?

За этими вопросами, конечно же, должна быть видна и стратегическая перспектива отношений России и НАТО – чего именно мы хотим, каким образом примирить наши интересы и цели с учетом меняющихся условий в Европе и на ее периферии? Важен также вопрос об отношениях России и НАТО с нейтральными странами региона – Швецией и Финляндией. Их сближение с Альянсом на текущем этапе неизбежно и необратимо, что может вызвать дополнительные сложности в отношениях с Москвой.

Система отношений России и НАТО: дилемма безопасности

Понятие дилеммы безопасности наилучшим образом характеризует систему отношений России и НАТО после 2014 г. Ей свойственно несколько важных черт, хотя эти черты зачастую проявляются асимметрично, то есть в политике и официальном дискурсе России и НАТО они присутствуют в разном объеме и реализуются с разной интенсивностью.

Прежде всего, дилемма безопасности предполагает высокий уровень неопределенности. Причем речь идет как о неопределенности целей, так и о неопределенности потенциалов и решимости сторон использовать имеющиеся средства. В НАТО восприятие проблемы выглядит значительно более акцентированно, в сравнении с Россией. Во многом это связано с внезапностью событий, произошедших на Украине. Для Альянса политика Москвы, по всей видимости, оказалась полной неожиданностью. Так, например, в Ежегодном отчете Генерального секретаря НАТО за 2013 г. (опубликован в январе 2014 г.) Россия воспринимается исключительно в качестве партнера по целому ряду направлений, включая Афганистан, борьбу с терроризмом и др. Спустя какие-то полгода документы саммита НАТО в Уэльсе отражают уже принципиально иную реальность, в которой европейская безопасность впервые за долгое время становится темой номер один, а Россия уже воспринимается в качестве угрозы европейскому порядку. Сюрпризом для НАТО стала сирийская операция, быстрый обвал и не менее быстрое восстановление отношений с Турцией, целый ряд более мелких эпизодов и инцидентов. Врасплох застала Альянс решимость и глубина использования силовых и политических средств. Ряд шагов России вообще не имел прецедентов за всю историю после окончания холодной войны (военные операции в дальнем зарубежье, воссоединение с бывшими территориями СССР и др.).

В сухом остатке за Россией прочно закрепился ярлык непредсказуемого и опасного игрока. Если раньше российская политика отличалась реактивностью и следованием в фарватере действий западных партнеров (Югославия, Афганистан, Ирак), то после 2014 г. инициатива перешла в руки Москвы, что для НАТО, конечно, стало качественно новым условием.

Российское видение было несколько иным. Расширение НАТО в России воспринималось как долгосрочный и необратимый курс Альянса. В глазах Москвы это усугубляло и так весьма серьезное нарушение баланса сил в пользу НАТО. Развал адаптированного ДОВСЕ оставлял проблему баланса сил нерешенной, причем вину за кризис ДОВСЕ в Москве возлагали именно

на партнеров в НАТО – ни один член блока новый договор так и не ратифицировал. Ситуацию усугубляло нарушение стратегической стабильности (выход США из ПРО и идеи размещения инфраструктуры ПРО в Польше и Чехии). Здесь же стоит отметить и то, что российское руководство возлагало на своих западных партнеров значительную долю ответственности за поддержку «цветных революций» на постсоветском пространстве, рассматривая их едва ли не как форму гибридной войны. Начиная с середины 2000-х гг. в Москве зрело убеждение в том, что западные лидеры исходят из допущения о постепенном угасании России и необходимости постепенного и мягкого вытеснения Москвы из большой европейской политики, сохраняя фасад дружественных и партнерских отношений на выгодных для Альянса направлениях. Украинский «майдан» 2013–2014 гг. в Москве восприняли как провокацию, которая была если и не инсценирована Западом, то молчаливо им поддержана. Очевидно, что роль западных столиц в украинской революции была явно переоценена с российской стороны – революцией во многом двигала совокупность внутриукраинских процессов. Но европейские лидеры явно недооценили необходимость равноправного диалога с Россией по украинскому вопросу, решимость Москвы идти на крайние меры в условиях, когда ее позиция в очередной раз игнорировалась.

Украинский кризис нанес серьезный удар практически по всем механизмам сотрудничества России с НАТО, а также с ЕС и с США. Это также серьезно усугубило дилемму безопасности в Европе. В конечном итоге, даже несовершенные механизмы коммуникации смягчают дилемму безопасности, амортизируя противоречия и снижая риски их обострения. Отношения были заморожены или приостановлены практически по всем направлениям. Среди них даже те, которые напрямую не имели отношения к украинскому кризису. Под ударом оказалось не только и не столько налаженное партнерство по Афганистану, борьбе с наркотрафиком и терроризмом. Гораздо важнее то, что давление стали испытывать ключевые составляющие режимов в ракетно-ядерной сфере. Дискуссия по ПРО зашла в тупик (размещение компонентов системы в Румынии однозначно воспринимается Москвой как вызов). Выход России из соглашения об утилизации оружейного плутония стал символическим жестом сворачивания сотрудничества с США в области контроля ядерных вооружений. Накапливаются взаимные претензии по РСМД. И хотя это вопрос российско-американских отношений, он имеет прямое воздействие на европейскую безопасность. Кризисом закончилось даже взаимодействие по Сирии, где, казалось бы, у России, США и их союзников по НАТО есть общие угрозы в виде исламского радикализма.

Важнейшая составляющая дилеммы безопасности – раскручивание гонки вооружений и наращивание потенциалов сдерживания. И Россия, и НАТО исходят из того, что увеличивают свои потенциалы в оборонительном, а не наступательном ключе. В условиях почти полного отсутствия доверия эти аргументы, конечно, вряд ли устраивают и Москву, и Брюссель. На Западе отмечают, что, например, с 2000 по 2015 г. оборонные расходы России увеличились втрое (согласно данным СИПРИ с 28 838 млн долл. по курсу 2014 г. до 91081 млн долл.). В Москве резонно отвечают, что этот рост связан с военной реформой и выправлением ситуации в армии после резкого провала в 1990-х гг., а также что российские расходы несопоставимы с объемами

военного строительства США. А если сравнить российские расходы с общим бюджетом НАТО, то разница будет еще более впечатляющей.

Военная активность НАТО и России также усугубляет дилемму безопасности. По меньшей мере, она отражает то, что обе стороны рассматривают друг друга в качестве приоритетной угрозы и предпринимают для этого соответствующие меры. Постоянные учения, размещение дополнительных контингентов (хотя пока и незначительных), инциденты в воздухе и на море, конечно, вряд ли добавляют спокойствия на границах.

Наконец, еще один важный момент связан с так называемой «спиралью страха» – неотъемлемым атрибутом дилеммы безопасности. Здесь большую роль играют СМИ с обеих сторон, раскручивающие с подачи политического истеблишмента взаимный образ врага и многократно преувеличивающие даже рутинные действия военных. Механизмы информационной войны имеют разную природу и структуру, но они запущены на полную мощь с обеих сторон. Политики и военные оказываются заложниками тех симулякров и фантомных угроз, которые порождаются медийным пространством.

Дилемма безопасности в Балтийском регионе

Системные изменения отношений России и НАТО по-новому поставили и проблему безопасности в Балтийском регионе. Если раньше скепсис балтийских членов НАТО в отношении взаимодействия России мог объясняться в основном их внутривнутриполитическими задачами (Россия как «значимый другой» и реперная точка в выстраивании собственной идентичности), то украинский кризис заставил руководство НАТО принять их озабоченность во внимание самым серьезным образом. Вполне закономерно это вызывало негативную реакцию в Москве, раскручивая региональную дилемму безопасности. После украинского кризиса регион Балтийского моря превратился в одно из наиболее уязвимых направлений для дальнейшей эскалации. Этому способствовал целый ряд факторов, которые сильно коррелируют с описанной выше общей рамкой отношений России и НАТО после украинского кризиса.

Первый фактор – общая неопределенность в отношении дальнейших намерений России. В Брюсселе и в самих странах региона всерьез рассматривают сценарий гибридных или открытых военных действий против стран Балтии. Содержательные обоснования таких прогнозов часто выглядят весьма натянуто и непоследовательно. В Москве с недоумением воспринимаются сценарии возможной агрессии в регионе. В числе наиболее одиозных – сценарий восстановления исторической справедливости в виде захвата Нарвы (своего рода – второй Крым) или же возможный российский десант на о. Готланд, отражать который готовятся шведы. Но в условиях непонимания общей стратегии России или ее восприятия как целенаправленно антизападной даже самые нелепые обоснования вызывают резонанс. Тем более, что в самой России действия НАТО в регионе уже давно воспринимаются как потенциально враждебные. А за прибалтийскими членами НАТО в России уже давно закрепилась репутация главных сторонников и лоббистов сдерживания Москвы. Неудивительно, что посткоммунистические страны региона требовали показать, что Альянс готов к их защите в случае ухудшения ситуации. И логично, что реальные шаги по сдерживанию России были сделаны

именно в Балтийском регионе. Ситуацию с неопределенностью усугубляет разная институциональная структура России и НАТО. Россия – суверенное государство, НАТО – многонациональный альянс и международный институт. А это порождает разную скорость и характер принятия решений, разную степень институциональной инерции.

Второй фактор – стратегические решения сторон о наращивании потенциалов в регионе. С количественной точки зрения их вряд ли стоит преувеличивать. Три батальона в Прибалтике вряд ли могут серьезно изменить баланс сил в регионе. То же можно сказать и о размещении в Калининградской обл. ракетных комплексов «Искандер», которыми принято пугать общественное мнение в ЕС. Сами по себе, эти действия можно считать минималистичными и символическими. Тем не менее их качественная роль высока. НАТО показала конкретные действия по сдерживанию возможной угрозы и проявила блоковую солидарность. Важным моментом является многонациональный характер размещенных в Прибалтике батальонов. Любые возможные действия против них автоматически будут означать действия против всего Альянса. Россия же со своей стороны также показывает решимость балансировать как укрепление потенциалов НАТО, так и возможные угрозы со стороны ПРО. В условиях высокого уровня неопределенности даже эти минимальные действия имеют непропорционально высокий резонанс. И, конечно, крайне высокий резонанс имеют различные инциденты в воздухе. В Москве, например, вызывают раздражение разведывательные полеты американской авиации вблизи российских границ, в том числе и с выключенными транспондерами. Перехват таких полетов российской авиацией традиционно вызывает необъективную критику на Западе. Но в ряде случаев западные упреки вполне закономерны, как, например, в ситуации пролетов российских боевых самолетов в непосредственной близости от военных судов НАТО или вблизи гражданских самолетов.

Третий фактор – географические условия региона. В их числе следует отметить, прежде всего, непосредственное соприкосновение границ России и стран-членов Альянса. Важным условием является пространственная компактность региона. В частности, это увеличивает вероятность ненамеренных инцидентов в воздухе. И, конечно, следует принимать во внимание разорванность российской территории. Калининградская обл. изолирована от остальной территории России и окружена членами НАТО. В Москве это порождает закономерную озабоченность. Вплоть до настоящего времени Россия демонстрировала сдержанность в милитаризации области. Однако в текущих условиях наращивание потенциалов здесь вполне возможно. Симптоматично, что обе стороны склонны подозревать друг друга в возможных внезапных военных действиях вокруг Калининградской обл.

Четвертый фактор – наличие в регионе двух нейтральных государств, которые могут выступить в качестве *game changers*. В теории нейтралитет Швеции и Финляндии мог бы способствовать стабилизации ситуации в регионе. В частности, Финляндия могла бы играть активную посредническую роль в отношениях России и НАТО, используя свой опыт и авторитет. На практике обе стороны склоняются к более тесному партнерству с НАТО. А в качестве задачи максимум в них дебатировалось вступление в Альянс, причем позиции сторонников этого решения на фоне украинского кризиса лишь

укрепились. В текущих условиях сближение Швеции и Финляндии с НАТО – необратимый процесс. Вопрос в том, насколько далеко он пойдет и как именно он будет воспринят в Москве. Очевидно, что сам вектор сближения с НАТО углубит дилемму безопасности в регионе. Наименьшим из зол могло бы быть тесное партнерство двух стран с Альянсом без формального членства в нем.

Пятый фактор – отсутствие признаков улучшения ситуации вокруг решения украинской проблемы, а также углубление противоречий по другим вопросам. Противоречия по Украине – долгосрочное негативное условие отношений России и НАТО. Причем здесь вполне возможно дальнейшее ухудшение ситуации. Сложности и противоречия с США по Сирии и другим вопросам также консервируют сложившуюся рамку отношений, которая будет определять негативный фон отношений и в регионе Балтийского моря. В сухом остатке отношениям России и НАТО в регионе свойственен «системный парадокс»: причина резкого ухудшения отношений лежит за пределами региона, но именно в нем сосредотачивается потенциал для силовой конкуренции.

Балтийский регион: возможные сценарии

Учитывая обозначенные выше факторы, представляется возможным выделить несколько сценариев дальнейшего развития ситуации в регионе Балтийского моря.

Сценарий 1. Стабильное сдерживание. Дилемма безопасности в регионе сохраняется. Обе стороны делают ставку на взаимное сдерживание, сохраняя минимальный диалог. Инциденты в воздухе и на море вызывают резонанс в СМИ, но не приводят к военной эскалации даже тогда, когда они оборачиваются несчастными случаями. Нарастание потенциалов имеет скорее символический характер, обе стороны не стремятся тратить на это лишние ресурсы. Негативный фон отношений России и НАТО сохраняется, в том числе в силу отсутствия проекта по Донбассу. Обе стороны используют сдерживание для внутренней консолидации и политической мобилизации. Посткоммунистические члены НАТО выигрывают в этой ситуации, так как их политический вес в организации растет, но реальная военная угроза остается низкой. Финляндия и Швеция дрейфуют в сторону НАТО, но не вступают в Альянс. Для военного строительства России регион не является основным приоритетом, как это и было ранее.

Сценарий 2. Неустойчивое сдерживание. Дилемма безопасности в регионе усиливается. Ухудшается внешний фон: минский процесс заходит в тупик, возобновляются военные действия на Донбассе. Растет антагонизм по сирийскому вопросу. Серия инцидентов на море или в воздухе дает повод для резких шагов по наращиванию вооружений, которые зеркально повторяются противоположной стороной. Для России регион превращается в приоритетное направление концентрации вооруженных сил. Финляндия и Швеция делают быстрые шаги по сближению с НАТО. Регион становится ареной локального политического кризиса. Тем не менее сохраняются постоянные каналы коммуникации.

Сценарий 3. Региональный конфликт. Одна из сторон решает пойти на повышение ставок и добиться крупного выигрыша и серьезных уступок противоположной стороне. По замыслу одной из сторон, это поможет решить

проблемы и на других направлениях. Такую линию поведения можно ожидать как с той, так и с другой стороны. В регионе провоцируется конфликтная ситуация. Однако противоположная сторона не уступает и решается на открытое противодействие. Происходит скоротечный локальный конфликт с ничейным результатом. Отношения переходят на качественно новый уровень враждебности. Диалог полностью прекращается. Ситуация балансирует на грани всеобъемлющего конфликта России и НАТО. Финляндия и Швеция становятся членами Альянса или заявляют о его безоговорочной военной поддержке. Подобная ситуация вероятна и в случае проигрыша одной из сторон в локальном конфликте.

Сценарий 4. Снижение дилеммы безопасности. Набор общих или специфических для каждой из сторон вызовов делает для них невыгодным взаимное сдерживание. Они постепенно идут по пути наращивание мер доверия. Конфликт на Донбассе сохраняется, но видна положительная динамика. Россия и США избирательно сотрудничают на Ближнем Востоке. Недоверие сохраняется, но уровень неопределенности постепенно падает.

Сценарий 5. Полная перестройка отношений. Одна из сторон инициирует качественное изменение отношений к лучшему. Скорее всего, такие шаги будут связаны с ролью конкретного политического лидера или лидеров, которые будут преодолевать сопротивление институтов, уже заточенных на сдерживание. Происходит всеобъемлющий пересмотр отношений России и НАТО, а также России и ЕС. Достигается компромисс в решении конфликта на Донбассе. Стороны запускают пересмотр Основопологающего акта, идут к усилению роли ОБСЕ как общеевропейского института безопасности, ведут диалог о контроле над обычными вооружениями. Происходит реформирование НАТО под новые вызовы.

Очевидно, что эти сценарии крайне схематичны, тогда как политическая реальность значительно сложнее. Но они показывают возможные векторы развития ситуации и заставляют задуматься об основополагающих целях России и НАТО в отношении друг друга.

Россия и НАТО: выбор будущего

Человеческому мышлению свойственна инерционность – проецирование в будущее текущей ситуации. Мы склонны верить в то, что она будет развиваться постепенно и линейно. Уверен, что сегодня большинство укажет на то, что сценарии 5 и 4 крайне маловероятны. Сценарии 2 и 3, хотя и представляются более подходящими к текущему моменту, также маловероятны в силу их высокой цены для обеих сторон. А вероятен сценарий один, в котором можно играть мышцами и при этом не платить за это высокую цену.

Проблема состоит в том, что линейные сценарии принимают нелинейный оборот гораздо чаще, чем нам хотелось бы. Это значит, что стабильное сдерживание вполне может обернуться сюрпризами и скатиться в более глубокий кризис, которым стороны уже не смогут управлять. Потеря контроля над динамикой отношений России и НАТО как в Балтийском регионе, так и на других направлениях – реальная угроза.

С другой стороны, любые инициативы по частичному или полному изменению логики отношений (сценарии 4 и 5) сегодня будут маргинальными как

в России, так и на Западе. Причем опыт «перестройки» и нового внешнеполитического мышления конца 1980–х гг. будет тормозить, а не стимулировать возможный разворот отношений в лучшую сторону. В конечном итоге, и Россия, и Запад оказались глубоко разочарованными результатами окончания холодной войны. Тем не менее, история показывает, что любые качественные изменения начинаются с инициатив тех, кто находится в меньшинстве. Они, как правило, более сплочены, последовательны и упорны, в сравнении с большинством. Именно они становятся центром дискуссии, подчас добиваясь качественных изменений. В отличие от 1980–х гг. с их идеализмом и верой в будущее, им придется быть предельно прагматичными, понимая, что их усилия могут потерпеть неудачу в любой момент. Задача для современных дипломатов и государственных деятелей усложнилась многократно. Им одновременно придется искать развязки кризиса 2014 г. и его более глубинных причин, зафиксированных итогами холодной войны. При этом их действия будут легитимны только в том случае, если представляемым ими сторонам удастся избежать потерь, сохранить лицо и добиться результатов как для одной, так и для другой стороны. Это сложнейшая и нетривиальная задача.

*Впервые опубликовано
на английском языке в книге
«The Baltic Sea Region:
Hard and Soft Security Reconsidered»*

4. Новая нормальность: о чем говорит Глобальная стратегия Евросоюза?

Последние два года вопрос о «новой нормальности» (*new normal*) в отношениях России и ЕС постоянно присутствовал в политических и экспертных дискуссиях. Острые политические противоречия, спровоцированные украинским кризисом, делали невозможным для обеих сторон взаимодействие в старом формате партнерства. Тезис о невозможности «*business as usual*» доминировал в аналитических публикациях, протоколах встреч и речах политиков. Однако долгое время ни в России, ни в ЕС не было четкого понимания новой схемы отношений. Сегодня такая схема прорисовывается более четко. По крайней мере, она проявляется в новой Глобальной стратегии ЕС – доктринальном документе внешней и оборонной политики Евросоюза.

Для того, чтобы определить контуры новых отношений с Россией, необходимо понять общую суть стратегии. Россия в ней играет далеко не самую важную роль. Ключевой представляется сама логика новой Стратегии, которая, в свою очередь, задает и подход к отношениям с РФ.

Наиболее важный элемент Стратегии – закрепление за Европейским союзом самостоятельной роли в области безопасности, превращение в крупного регионального и глобального политического игрока. Документ отражает попытку устранить уже давно заметный дисбаланс между экономической мощью ЕС и его политическими возможностями на международной арене. Несмотря на то, что полемика об общей политике безопасности ведется давно, вплоть до недавнего времени о ЕС трудно было говорить как о самостоятельной политической силе. Его активность была сосредоточена в области «мягкой силы» и экономического влияния. Но в вопросах международной безопасности Союз играл периферийную роль, держась в тени США и НАТО. Новая Стратегия недвусмысленно отражает решимость Брюсселя повысить свою политическую самостоятельность, при этом сохраняя самые тесные отношения с Североатлантическим альянсом.

Интересно, что понятие безопасности в документе трактуется комплексно. Это как угрозы чисто военного плана, так и многочисленные гуманитарные и экономические вызовы (энергетика, миграция, кризис государственности в соседних странах и регионах). Соответственно, Союз заявляет о себе как о силе, которая должна самостоятельно реагировать на эти вызовы и быть способной к самому широкому спектру действий – от классического сдерживания до предотвращения внутренних кризисов в соседних странах. Нужно признать, что такая трактовка вполне оправдана. По сути, Стратегия адресуется к тем лакунам в области безопасности, которые полностью не заполняются НАТО и США. Так, например, НАТО вряд ли сможет эффективно противодействовать вызовам миграции и остановить поток беженцев. Альянс не заточен под решение кризисов государственности в нестабильных странах, а именно такие кризисы провоцируют гуманитарные проблемы. Даже в решении украинского кризиса субъектность Брюсселя и автономность от Вашингтона были под большим вопросом.

Конечно, переоценивать возможный отрыв от НАТО и США не следует. Но если стратегия будет реализована, то в будущем мы неизбежно увидим переформатирование НАТО и трансатлантических отношений. Рано или поздно на структуру Альянса повлияет переход от схемы «США–остальные» к схеме «США–ЕС–остальные». Вряд ли такая схема будет закреплена юридически, но она вполне может стать политической реальностью.

Курс на повышение самостоятельности будет реализовываться, как минимум, тремя путями. Первый – развитие собственной промышленной и технологической базы, способной адекватно обеспечить силовые структуры всем необходимым. Второе – постепенное создание общих институтов безопасности (например, общей разведки ЕС). Третье – общие действия, координируемые бюрократическими структурами Брюсселя и направленные на решения всего спектра проблем безопасности.

Все три направления неизбежно будут означать размывание роли отдельных стран Союза. Однако взамен они должны получить более эффективную систему безопасности, сократить издержки за счет разделения труда, кооперации и синергетического эффекта совместных действий. В политическом плане такой расклад привлекателен для многочисленных малых стран, неохотно идущих на увеличение оборонных трат. Но он же, вероятно, подорвет политическую роль таких крупных игроков как Франция, Германия и Италия.

Если в области безопасности ЕС ориентируется на повышение своей самостоятельности, то в области экономики – на более тесную конвергенцию с экономиками Северной Америки, а также более тесное сотрудничество с АСЕАН и крупными экономиками АТР. В ней раскрываются вопросы, в которых ЕС традиционно силен – экономика и торговля, сотрудничество с другими интеграционными блоками. Хотя среди них не фигурирует Евразийский экономический союз.

Части стратегии в отношении России в целом отражают пять принципов Ф. Могерини. С Россией связывается значительная доля угроз для ЕС в области безопасности. Помимо конфликта на Украине, речь идет об угрозе гибридной войны, которая в последние два года ассоциируется именно с Москвой. Однако Стратегия не расшифровывает понятие гибридной войны. Оно представляется весьма неконкретным и аморфным. Поэтому закономерно оставляются за скобками и средства борьбы с данной угрозой. Тема энергетики также подается в контексте безопасности, и здесь тоже вполне ясно читается восприятие России как угрозы. Важный аспект – повышение роли ЕС и его законодательства в энергетической сфере и снижение роли отдельных стран. Тем не менее вообще устраниться от взаимодействия с Россией ЕС вряд ли сможет, поэтому Стратегия, как и пять принципов, подразумевает сотрудничество по определенному набору вопросов.

Что все это означает для России? И какой получается «новая нормальность», исходя из Глобальной стратегии ЕС?

Во-первых, Стратегия предполагает превращение Евросоюза в ключевой элемент системы европейской безопасности. Россия в данной системе в настоящий момент является угрозой, то есть страной, чуждой этой системе. Даже если текущие противоречия и будут сняты и стороны вернуться к партнерству, роль России в этой системе, в лучшем случае, будет маргинальной.

Россия теряет роль партнера в выстраивании новой архитектуры европейской безопасности. У нее остается небогатый выбор – либо играть роль маргинального партнера, либо принуждать прислушиваться к своему мнению. Последнее вряд ли соответствует как интересам России, так и интересам ЕС.

Во-вторых, Стратегия не решает тех фундаментальных противоречий, которые привели к украинскому кризису. По меньшей мере, она сокращает возможности для многовекторной политики, ставя отдельные страны перед выбором – либо с нами, либо с Россией. Это будет осложнять отношения России со странами, которые будут пытаться использовать выгоды от сотрудничества как с Россией, так и с ЕС. Предупреждение кризисов, подобных украинскому, будет осуществляться скорее в логике сдерживания, а не диалога.

В-третьих, снижается роль двусторонних отношений России с отдельными странами ЕС, даже если речь идет о наиболее крупных из них. В случае реализации стратегии, России придется выстраивать отдельный трек взаимодействия с ЕС в области безопасности.

В-четвертых, неочевидна перспектива сотрудничества ЕС и ЕАЭС. При том, что это один из немногих механизмов конструктивного развития отношений с Россией. Если этот механизм не заработает, то России и ее партнерам сложнее будет реализовать идею Большой Евразии.

В-пятых, взаимодействие по отдельным вопросам, в которых интересы ЕС и России пересекаются, будет носить тактический характер и будет лишено более широкой концептуальной и стратегической рамки. А значит сложнее станет задача превращения позитивного опыта взаимодействия в системную практику.

Естественно, многое зависит от того, как сам Евросоюз сможет реализовать поставленные цели. Сдерживающих факторов на этом пути немало, а угрозы за пределами отношений с Россией могут оказаться значительно более серьезными, повышая необходимость замены сдерживания на сотрудничество.

*Впервые опубликовано
на сайте Международного
дискуссионного клуба «Валдай»*

5. Россия–ЕС: выборочное сотрудничество и стратегический диалог в области безопасности

Новая глобальная стратегия ЕС – знаковое событие. Она фиксирует попытку дальнейшего превращения Европейского союза в самостоятельный центр мировой политики и рост его ответственности в вопросах международной безопасности. В случае ее успешной реализации, ЕС наберет серьезный потенциал и политический вес. Союз превратится в качественно нового политического игрока, тесно взаимодействуя с НАТО и решая самый широкий круг проблем безопасности – от традиционного сдерживания до новых вызовов и угроз. Среди них – миграция, кибербезопасность, энергетика, устойчивость переходных государств и др. В формировании новой системы безопасности в Европе роль ЕС будет возрастать.

Россия в новой стратегии – оппонент Европейского союза по ряду принципиальных вопросов. Возможное сотрудничество ограничивается узким числом тем. Россия воспринимается как чуждый элемент европейской системы безопасности, нарушитель порядка, сложившегося после окончания холодной войны. Сдерживание – ключевой элемент политики в отношении России. К сожалению, и в самой России преобладает сдержанное отношение к ЕС.

Конечно, и ЕС, и Россия, оставляют определенные лакуны для партнерства (*selective engagement*). Причем понятие выборочного партнерства до сих пор остается весьма аморфным. Ни в Брюсселе, ни в Москве, похоже, нет четкого понимания того, что именно должно войти в список направлений такого партнерства. И даже если такой список будет составлен и по нему начнется работа с обеих сторон, избирательное тактическое взаимодействие не гарантирует кумулятивного результата. За ним нет ответа на вопрос – чего именно мы хотим, к чему и как мы идем? Иными словами, за *selective engagement* нет стратегической перспективы. Такая перспектива будет подменяться взаимным сдерживанием и восприятием друг друга в качестве стратегических угроз.

Подобная ситуация губительна как для России, так и для ЕС. Во–первых, она вряд ли позволит решить все те проблемы, которые привели к текущим проблемам в отношении Москвы и Брюсселя. А во–вторых, разделенная Европа будет подрывать наши силы в противодействии растущему числу вызовов и угроз. Между тем, для России большинство вызовов, определенных в Глобальной стратегии ЕС, столь же актуально, сколь и для Европейского союза. России вредит нарушение европейского порядка. Она уже давно является мишенью для радикальных исламистов. Страна столь же уязвима в цифровой среде, сколь уязвимы ее соседи на Западе и на Востоке. Притоки беженцев и мигрантов – повседневный опыт для России, хотя сегодня интенсивность этого процесса и меньше, чем в Западной Европе. Наконец, Россия проигрывает от кризиса государственности в соседних странах и регионах.

Что делать в сложившейся ситуации? Прежде всего, сохранить те направления партнерства, в которых заинтересованы обе стороны. Необходимо

избежать съезживания *selective engagement* до сугубо номинальных и второстепенных вопросов. Наоборот, список общих тем для *selective engagement* должен расти, равно как и глубина их проработки. Общая задача – превратить *selective engagement* в *greater engagement*, когда сотрудничество по узкому списку вопросов превратится в самоподдерживающую систему.

Однако в условиях растущей политической роли ЕС такой подход будет явно недостаточным даже в случае успеха. Требуется запустить стратегический диалог о будущем европейской безопасности, понимаемой в самом широком смысле. А также – диалог о месте ЕС и России в этой системе, их взаимодействии в ее создании и развитии.

Такой стратегический диалог будет крайне сложен в текущих условиях. Но если Россия и ЕС смогут добиться на этом направлении результатов, это лишь закрепит роль Европейского союза как нового центра международных отношений, способного брать на себя ответственность в области безопасности. Россия же сможет взять на себя роль партнера в создании новой системы безопасности, избежать маргинализации и роли общего врага.

В повестку дня стратегического диалога ЕС и России по вопросам безопасности для начала могли бы войти следующие вопросы:

Первое. Общая оценка имеющихся вызовов и угроз, а также принципов, на которых должна выстраиваться европейская безопасность. Хельсинкский заключительный акт сохраняет свою актуальность. Но он появился в принципиально иных условиях. Он представлял собой ответ на угрозы масштабного конфликта в Европе между двумя блоками. Текущая ситуация – принципиально иная. Угрозы и безопасность стали значительно более комплексными. А значит хельсинские принципы должны быть адаптированы к новым реалиям. Их необходимо превратить в современный стратегический документ, который воспринимался бы всеми силами в Европе в качестве установки к действию и не сводился бы к риторическим упражнениям. Очевидно, что обсуждение хельсинкских принципов потребует и новой дискуссии о реформе ОБСЕ. Сам факт новой политической роли ЕС неизбежно потребует такой реформы. США и другие заинтересованные стороны должны быть партнерами по такому диалогу.

Второе. Диалог о новых подходах к контролю обычных вооружений. Эта идея была высказана в недавней статье Ф.В. Штайнмайера и требует самого пристального внимания, несмотря на сдержанное отношение к ней как в Москве, так и в некоторых европейских столицах. Крах адаптированного ДОВСЕ подорвал фундаментальные основы Основополагающего акта Россия–НАТО 1997 г. Без прозрачного режима контроля над обычными вооружениями расширение НАТО на Восток неизбежно закладывало противоречия с Россией. Проблема не решена до сих пор. Требуется тщательный анализ ошибок, определение параметров будущего режима и шагов по его развитию. ЕС мог бы стать значимым партнером в обсуждении нового режима. А успех инициативы гарантировал бы укрепление новой роли Союза и снимал бы дилемму безопасности в отношениях с Россией. Это создавало бы предпосылки для системного решения украинского кризиса за пределами Минских соглашений.

Третье. Создание скоординированной системы противодействия радикальному исламизму и терроризму. Сегодня этот вопрос рассматривается в логике тактического взаимодействия в числе множества «новых вызовов». Есть большое число других вопросов, по которым сотрудничество ЕС возможно и необходимо. Однако острота и сложность угрозы радикального исламизма требуют отдельного взаимодействия и отработки совместных механизмов – от противодействия пропаганде исламистов до проведения конкретных гуманитарных и специальных операций.

Этих трех вопросов вполне достаточно для запуска стратегического диалога России и ЕС в области безопасности. Впоследствии список вопросов может быть расширен. Кроме того, такой диалог можно и нужно вести параллельно с *selective engagement* и его переходом в *greater engagement*.

Общая цель этих мер – решение проблем безопасности в отношениях России ЕС и партнеров ЕС, их совместное участие в построении новой системы равной и неделимой безопасности в Европе, скоординированное партнерство в противодействии общим вызовам.

*Впервые опубликовано
на сайте Международного
дискуссионного клуба «Валдай»*

Об авторе

Тимофеев Иван Николаевич – канд. полит. наук, программный директор Российского совета по международным делам.

Выпускник Санкт–Петербургского государственного университета, магистр Ланкастерского и Центрально–Европейского университетов. В 2006 г. закончил аспирантуру и защитил диссертацию в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России.

С 2006 г. преподает на кафедре политической теории МГИМО (У) МИД России. В настоящее время является доцентом кафедры.

В 2009–2011 гг. – директор Аналитического центра МГИМО (У) МИД России, ученый секретарь МГИМО (У) МИД России.

Автор более 50 научных публикаций, в том числе:

1. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – № 5.
2. *Political Atlas of the Modern World. An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of the Modern World.* Oxford: Wiley Blackwell, 2010 (в соавторстве).
3. Международные конфликты (опыт аналитического мониторинга) / И.Н. Тимофеев и др. // Международная жизнь. – 2010. – № 7.
4. Нелинейные политические процессы / Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев. – М.: МГИМО–Университет, 2009.
5. Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. – 2009. – № 4.
6. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения / А.Ю. Мельвиль, И.Н. Тимофеев // Полис. – 2008. – № 4.
7. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО–Университета. – 2008. – № 3.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой, РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунов. В 1995–1997 гг. Андрей Кортунов занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Для заметок

Для заметок

Российский совет по международным делам

Тимофеев И.Н.

РОССИЯ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД: НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ

Верстка — О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:

слева внизу: Министерство обороны Российской Федерации / Вадим Савицкий;
справа наверху: Reuters / Ints Kalnins.

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,25. Тираж 200 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)

119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1

Тел.: +7 (495) 225 6283

Факс: +7 (495) 225 6284

E-mail: welcome@russiancouncil.ru

www.russiancouncil.ru